

**З. БЖЕЗИНСКИЙ
Г. КИССИНДЖЕР
Э. ЛУКАС**

КОНЕЦ УТОПИИ

РОССИЯ И США ПОСЛЕ 2014 ГОДА

Москва

УДК 327(73)
ББК 66.4(7Coe)
К64

К64 **Конец утопии. Россия и США после 2014 года** : [перевод с английского] / Збигнев Бжезинский, Генри Киссинджер, Эдвард Лукас. — Москва : Родина, 2025. — 240 с.

ISBN 978-5-00222-604-7

Збигнев Бжезинский, ведущий американский геополитик, автор книги «Великая шахматная доска», был одним из главных идеологов внешнеполитического курса США.

Генри Киссинджер более 50 лет занимал видные должности в администрации Соединенных Штатов, затем являлся членом влиятельных международных организаций, в том числе Бильдербергского клуба.

Эдвард Лукас — влиятельный английский журналист и публицист, редактор международного отдела журнала «The Economist».

В книге собраны наиболее значительные работы и выступления З. Бжезинского и Г. Киссинджера, а также статьи Э. Лукаса, посвященные «концу утопии» — резкому ухудшению отношений США и России после известных событий 2014 года. Авторы показывают, как развивался этот конфликт, дают портреты главных его участников, оценивают действия американской и российской стороны.

При этом Бжезинский считал, что политика России стала непредсказуемой и опасной, а Киссинджер, наоборот, оценивал ее как более прагматичную и взвешенную. Соответственно, они предлагают разные подходы к России на международной арене.

УДК 327(73)
ББК 66.4(7Coe)

© Бжезинский З. (Brzeziński Z.),
Киссинджер Г. (Kissinger H.),
Лукас Э. (Lucas E.),
правообладатели
© Перевод с английского
ООО «Родина», 2025

ISBN 978-5-00222-604-7

Содержание

Зигмунд Бжезинский. Геополитическое

положение России	7
О концепции «Великой русской цивилизации» ...	7
Украинский урок для России	21
Что нужно знать об Украине	24
Три альтернативы для Путина по Украине	27
Путин пытается запугать Запад атомной войной	30

Генри Киссинджер. Геополитика США и России. ... 32

Изменения в мире	32
Америка: империя или лидер?	54
Отношения с Россией	68
Барабаны войны	84
Чем закончится украинский кризис.	86

Эдвард Лукас. Сценарий Судного дня 91 |

Уроки Украины для Европы	91
Что будет, если Запад прекратит свои усилия? ...	97
Русская паранойя в отношении Запада.	103
НАТО в Восточной Европе	119
Европа: кризис безопасности.	120
Паникующие восточноевропейцы.	127
Запад предал Украину	130
Раскол Украины — это катастрофа	136
Часть Украины мы уже потеряли	140
Украине нужна помощь.	141
Что будет после захвата Украины?	144
Польша и Россия	146
Может ли Россия захватить Прибалтику?	156
Готова ли Польша помочь Прибалтике?	157
Каким будет следующий шаг Путина?	158
Сценарий Судного дня	162

Приложение	177
<i>Зигмунд Бжезинский. Сможет ли Россия стать империей?</i>	<i>177</i>
<i>Генри Киссинджер. Что хочет Путин</i>	<i>224</i>

Зигмунд Бжезинский.

Геополитическое положение России

О концепции «Великой русской цивилизации»

*(из выступления З. Бжезинского
в Центре Уилсона, Вашингтон, 16 июня 2014 г.)*

Позвольте мне попытаться раскрыть возможные последствия украинского кризиса для архитектуры европейской безопасности в свете отношений между Россией и Западом. То, что мы сейчас наблюдаем на Украине, это, с моей точки зрения, не просто ссора, а симптом более серьезной проблемы — а именно, постепенного и устойчивого подъема российского квази-мистического шовинизма, который продолжается уже в течение шести или семи лет. Главную роль в этом сыграл Путин, и содержание этой новой концепции полностью определяет отношения России с миром в целом и с Западом в частности.

Недавно Российский совет по международным делам, московский институт, членами которого являются чрезвычайно уважаемые и выдающиеся ученые — не диссиденты, не независимые мыслители, которые в настоящее время тоже существуют в Москве — в сотрудничестве с «РИА-Новости» и Советом по внешней и оборонной политике опубликовали со-

вместную статью, посвященную трансформации российской национальной идентичности и новой доктрине внешней политики. В ней достаточно подробно освещается процесс создания абсолютно новых концептуальных рамок для определения отношений России с миром — отношений, в которых, как считают россияне, они нуждаются после распада Советского Союза и частичной дезинтеграции Российской империи.

Это довольно длинная статья, но ее обязательно стоит прочесть тем, кто интересуется международными отношениями. В ней, в частности, речь идет о нескольких ключевых концептах, которые являются частью этого нового взгляда на мир. Взгляда на мир, определяемого необходимостью, которую россияне, окружающие Путина, и сам Путин остро ощущают, необходимостью более исчерпывающей интерпретации природы и положения России в мире и ее отношений с миром и с Западом в частности. Именно в этом контексте украинский вопрос приобретает особую значимость.

В этом докладе речь идет о четырех ключевых концепциях: во-первых, концепция «разделенного народа», во-вторых, тема «защиты сограждан за рубежом», в-третьих, тема «русского мира», в-четвертых, значение признания и сохранения, притяжения и продвижения «Великой русской цивилизации». Я упомянул об этом, потому что считаю, что было бы ошибкой считать кризис в Крыму и на Украине продуктом внезапной вспышки гнева. В некотором смысле их можно считать таковыми, однако было бы гораздо умнее со стороны России проверить то, что она только что провернула, примерно через 10 лет.

К тому времени она стала бы сильнее и крепче в экономическом плане.

Но все уже произошло, и эти концепции сыграли в этом значительную роль. Концепция разделенного народа — это отправная точка для шовинистических заявлений о том, что суверенитет России распространяется на всех русских людей, где бы они ни находились. И тем, кто знаком с историей Европы до начала Второй мировой войны, эти заявления неизбежно покажутся пугающе знакомыми. Разумеется, эта концепция приводит нас к идее защиты сограждан, проживающих за рубежом. И это имеет особое значение для тех государств, на территории которых проживают этнические русские и которые граничат с Россией. Концепции разделенного народа и защиты сограждан за рубежом приводят нас к идее русского мира. Под ним подразумевается органическое целостное единство всех русских людей, независимо от их места проживания. И эти места проживания могут быть изменены путем воссоединения этнических русских. Вспомните о странах Балтии.

Не менее важной является убежденность в том, что Россия не входит в состав западной цивилизации. Она также не является частью Китая. Она не является частью мусульманского мира. Считается, что Россия сама по себе является великой цивилизацией. Понятие «мировой цивилизации» включает в себя ряд принципов, некоторые из которых еще неизвестны в нашем обществе, таких как, к примеру, сильная приверженность к определенному религиозному учению, гораздо более сильная, чем на Западе, где религия представляет собой часть более сложного общественного устройства. Суть заключается в том,

что великая русская цивилизация отстаивает определенные базовые ценности, не только религиозные, но и ценности, касающиеся межличностных отношений — к примеру, осуждение изменений в отношениях между полами и внутри полов, которые в настоящее время происходят в мире. В результате Россия защищает сохранность определенных базовых убеждений, которые всегда характеризовали христианство, но с точки зрения россиян, то христианство сегодня предаёт свои основополагающие принципы. Итак, мы имеем дело с полноценным мировоззрением — амбициозным мировоззрением, которое оправдывает утверждение о том, что Россия — это мировая держава. И ничто в международном диалоге с Западом не задевало г-на Путина так сильно, как слова президента Обамы, который назвал Россию сильной региональной державой. Более обидной характеристики он дать не мог.

Понимание доктринальной основы мировоззрения Путина — это важная отправная точка для рассмотрения украинского вопроса. Украинский кризис — это не результат какой-то внезапной ссоры, как я уже говорил, а симптом более серьезной проблемы: появления политики, упакованной внутри более масштабной философской концепции. Таким образом, чего нам стоит ожидать? Если Украина является всего лишь симптомом проблемы, то решить эту проблему будет крайне трудно. Я думаю, для ее решения потребуется некоторое время. Но решение этой проблемы должно быть не односторонним, по-

сколько Запад имеет там свои интересы. И эти интересы должны принять форму разумной политики. Если украинскую проблему локализовать, со временем она, возможно, утратит свою остроту. Особенно если российский, все более космополитичный средний класс, который сейчас поднимает голову, но все еще остается довольно слабым, станет более значимым в политическом отношении, возможно, устав от ощущения своей уязвимости и разочаровавшись в Путине, и возьмет на себя более существенную политическую роль, когда Путин отойдет от дел. Но когда это случится? Этого предсказать невозможно. Может быть, скоро. Может быть, нет. Но многое зависит еще и от того, станет ли Украина симптомом успеха или краха путинского мировоззрения. Коротко говоря, ставки высоки.

Под этими ставками я подразумеваю, в том числе, и вопрос о том, что применение силы в Крыму и непрекращающиеся попытки дестабилизировать ситуацию в отдельных областях Украины являются серьезной угрозой для международных договоров, заключенных после Второй мировой войны, и в частности для идеи о недопустимости применения силы в решении территориальных споров. Эта идея стала основополагающим принципом того европейского порядка, который сформировался после Второй мировой войны. И Россия была его частью — в том числе благодаря тем соглашениям, которые она подписала. Но теперь она бросает им вызов. И это является серьезной угрозой, актуальной угрозой — по крайней мере, в психологическом смысле, но потенциально, особенно с учетом событий в Крыму, также и в военном. Это угроза для стран Балтии, Грузии, Молдовы.

Это также угроза — не слишком ярко выраженная, но, возможно, даже более опасная — для Белоруссии, потому что у Белоруссии нет никакой внешней защиты. Другие государства, которые я упомянул, ее имеют, хотя и в разной степени.

Из всего вышесказанного следует, что украинская проблема — это угроза, с которой Западу необходимо бороться на трех уровнях. Мы должны решительно бороться с искушением применить силу, с которым сталкивается российское руководство. Проще говоря, мы должны предотвратить применение силы.

Во-вторых, мы должны добиться прекращения сознательных попыток России дестабилизировать ситуацию в восточных областях Украины. Очень трудно сказать, насколько амбициозными являются эти цели, но неслучайно в той части Украины, где доминируют русские, применение силы оказалось таким изощренным. Участники вооруженных конфликтов оказались хорошо вооруженными, у них было эффективное зенитное оружие и даже танки. Даже самые глубоко разочарованные граждане Украины, питающие неприязнь к ее правительству и не испытывающие привязанности к этой стране, не станут хранить такое оружие в подвалах и на чердаках своих домов. Это оружие им предоставили, чтобы они сформировали отряды, способные противостоять мощным военным формированиям. Это является формой межгосударственной агрессии. По-другому это назвать нельзя. Что бы вы почувствовали, если бы, скажем, банды наркоторговцев в США стали получать оружие из-за границы, от нашего южного соседа, чтобы разжигать конфликт такого масштаба на постоянной основе? Это серьезная угроза. И это наша вторая задача.

Третья наша задача заключается в том, чтобы настоять и затем обсудить с россиянами формулу окончательного компромисса, который предполагает запрет на открытое и масштабное применение силы и на попытки дестабилизировать ситуацию. В свою очередь, это означает следующее — и я буду предельно откровенен в выражении своих мыслей по этому поводу. Украину необходимо поддержать, если она будет сопротивляться. Если Украина не будет сопротивляться, если беспорядок внутри страны сохранится и правительству не удастся организовать эффективную систему национальной защиты, тогда украинскую проблему нужно будет решать в одностороннем порядке, однако это может повлечь за собой последствия, которые, вероятно, окажут дестабилизирующее воздействие на уязвимые государства и на отношения между Востоком и Западом в целом. И силы шовинизма внутри России станут еще более решительными. Эти силы на самом деле представляют собой наиболее негативные аспекты современного российского общества: своего рода жажду национализма, самореализации, удовлетворение от осуществления власти. Однако эти черты нехарактерны для нового среднего класса, который в долгосрочной перспективе может стать приемлемой альтернативой.

Если Украину необходимо будет поддержать в ее попытках сопротивляться, украинцы должны знать, что Запад готов помочь им. И нет никаких причин скрывать эту готовность. Гораздо полезнее заявить о ней, сообщить украинцам и тем, кто им угрожает, что, если Украина будет сопротивляться, она полу-

чит оружие. И мы предоставим это оружие еще до того, как свершится сам акт вторжения. Поскольку в отсутствии этого оружия с искушением вторгнуться и опередить остальных будет крайне сложно бороться. Но значение имеет также и то, какое оружие мы предоставим. С моей точки зрения, это должно быть оружие, особенно эффективное в войне сопротивления в условиях крупных городов. Нет никакого смысла пытаться вооружить украинцев так, чтобы они могли противостоять российской армии на открытом пространстве: российская армия — это тысячи танков и командующие, готовые применить сокрушительную силу. Нам стоит обратиться к урокам, которые мы извлекли из эпизодов сопротивления в условиях городов во время Второй мировой войны и войны в Чечне, чья столица была местом ожесточенных боев в течение трех месяцев. Суть в том, что, чтобы попытки вторжения стали успешными в политическом смысле, необходимо захватить крупнейшие города. Если крупные города, такие как Харьков или Киев, начнут сопротивляться и боевых действий в городских условиях будет не избежать, конфликт затянется и повлечет за собой огромные расходы. И главное заключается в том — именно в этом смысле время начала этого кризиса имеет большое значение — что Россия пока не готова пойти на такого рода шаг. Такой шаг повлечет за собой серьезные человеческие потери и огромные финансовые расходы. На него нужно потратить много времени, и он вызовет усиление давления со стороны международного сообщества.

Я считаю, что мы должны дать украинцам понять, что, если они готовы к сопротивлению, судя по их за-

явлениям и действиям (хотя и не слишком эффективным), мы предоставим им противотанковые орудия, ручные противотанковые орудия, ручные ракеты — то есть оружие, которое можно использовать в условиях города. Речь не идет о том, чтобы вооружать украинцев для нападения на Россию. Невозможно напасть на страну, такую как Россия, имея только оборонительное оружие. Но если у вас есть оборонительное оружие и доступ к нему, если вы знаете, что оно будет у вас, вы с гораздо большей вероятностью согласитесь на сопротивление. Таким образом, это начинает действовать как средство сдерживания, позволяя также проводить более эффективные операции по прекращению насилия, спонсируемого лицами на границе между Украиной и Россией. Это, с моей точки зрения, в любом случае поможет снизить риск и избежать искушения решить этот кризис при помощи оружия. С российской стороны, учитывая эйфорию вокруг успеха операции в Крыму, которая оказалась стремительной и решающей и которая не встретила никакого сопротивления, искушение повторить этот успех может оказаться весьма серьезным для лидера, который стремится одерживать масштабные победы.

В то же время мы должны принимать участие в поиске возможных вариантов компромиссного решения. Особенно в том случае, если россиянам и г-ну Путину станет ясно, что дестабилизация Украины и ее силовой захват представляют собой серьезную угрозу и могут оказаться недостижимыми. Таким образом, сдерживание должно сопровождаться попытками принять участие в диалоге. Какова формула возможного компромисса? Думаю, она довольно проста: Украина должна продолжать движение, публич-

но поддерживаемое подавляющим большинством украинцев, по направлению к членству в Евросоюзе. Но это длительный процесс. Турки, к примеру, ждут вступления в Евросоюз уже 60 лет. Другими словами, на это потребуется время. Таким образом, опасность для России нельзя назвать близкой, а негативные последствия не являются слишком разрушительными.

В то же время мы должны убедить Россию в том, что Украина не станет членом НАТО. Я считаю, что это важно по ряду политических причин. Если вы посмотрите на карту, то поймете, что для России это очень важно с психологической и стратегической точек зрения. Таким образом, Украина не должна стать членом НАТО. Но по той же причине Россия должна понять, что Украина не станет членом мифического Евразийского союза, который президент Путин пытается продвигать на основании идеи об особом месте России в мире. Украина не будет членом Евразийского союза, но она может заключить отдельное торговое соглашение с Россией, особенно принимая во внимание тот факт, что некоторые формы обмена и торговли между ними являются взаимовыгодными. К примеру, сельскохозяйственная продукция, поставляемая Украиной в Россию. Промышленные товары, в которых нуждается Россия, также производятся на Украине. Не многие понимают, что некоторые из новейших российских ракет, большая часть самолетных двигателей российской гражданской авиации и даже часть ракет, используемых в США, производятся на Украине. Это выгодное и успешное промышленное предприятие. И его необходимо поддерживать путем заключения отдельного соглашения между Россией и Украиной.

Я считаю, что это со временем может стать по-настоящему привлекательным. И этот аспект должен быть озвучен в контексте открытых, а не тайных, попыток убедить россиян, что любое применение силы будет иметь негативные и долгосрочные последствия для самой России, не угрожая ее безопасности, но подразумевая повышение расходов на отстаивание своего авторитета за счет независимости Украины. С моей точки зрения, в этом контексте НАТО должно тоже действовать более решительно в вопросе защиты безопасности тех членов НАТО, которые граничат с Россией и где проживают многочисленные русские сообщества, составляющие примерно 25% их населения. В частности я имею в виду Латвию и Эстонию. Америка подтвердила свое военное присутствие там. Я считаю, что было бы гораздо лучше, если бы ведущие европейские государства, такие как Германия, Франция и Соединенное Королевство, тоже разместили там своих военнослужащих. Чтобы на регулярной основе там была не только Америка. Это станет доказательством того, что члены НАТО держатся вместе. В международной политике символизм имеет такое же значение, как и решительность, и зачастую он может предотвратить более радикальные меры.

Учитывая современные последствия масштабного расширения НАТО за последние несколько десятилетий до 28 членов, было бы правильным в свете текущих событий еще раз провести оценку структуры этого альянса. В частности, я говорю об историческом парадоксе, заключенном в важнейшей Статье 5 его устава. В Статье 5 говорится о процедуре

военного ответа на агрессию, направленную против всего блока или отдельных его членов. Несомненно, вы вспомните, что в Статье 5 есть строка о том, что решения относительно участия в конфликтах должны приниматься единогласно. Другими словами, это значит, что у любой страны есть право вето. Именно США настояли на включении этого условия в устав НАТО. Правительство США настояло на этом, чтобы получить поддержку сторонников изоляционизма в американском Конгрессе. Они опасались, что альянс такого рода нарушит американскую традицию отказа от участия в конфликтах на территории иностранных государств. К сожалению, сегодня, с учетом того, что в состав НАТО входят 28 государств, в различной степени приверженных выполнению условий безопасности, ситуация оказалась обратной. Именно новые члены НАТО в определенных обстоятельствах начинают ссылаться на Статью 5. Вето одного государства не дает гарантии того, что НАТО не станет применять военную силу, потому что, я убежден, если такое произойдет после долгих дебатов, сильного возмущения и взаимных угроз, это государство будет вынуждено либо согласиться, либо выйти из состава альянса.

Одним из возможных вариантов может стать принятие условия о том, что те страны, которые систематически не выполняют обязательства, предусмотренные уставом НАТО, не могут иметь права вето. Некоторые члены этого альянса совершенно не выполняют своих обязательств, поэтому их членство в НАТО фактически представляет собой безбилетный проезд. Почему член альянса, который не выполняет своих обязательств, должен иметь право мешать другим членам НАТО осуществлять коллек-

тивную самооборону? Это аномалия и потенциальный источник проблем и путаницы. Поскольку этот кризис постепенно приближается к решению, я надеюсь, что НАТО пересмотрит свой устав и еще раз обсудит вопрос о принятии новых членов в альянс. Страна, в безопасности которой НАТО заинтересовано, вовсе необязательно должна становиться членом альянса. НАТО может принимать участие в обеспечении ее безопасности, но не принимать ее в свои ряды. Сейчас ведутся разговоры о новых членах Евросоюза. Возможно, некоторые из них захотят вступить в НАТО, и за последние несколько лет некоторым государствам удалось вступить в НАТО, несмотря на то, что территориально они удалены от возможных конфликтов на разделительной линии между Востоком и Западом. Я считаю, что дополнительное обсуждение в данном вопросе может принести определенную пользу, повысить авторитет НАТО и оказать давление на тех его членов, которые хотят быть его активными членами, чтобы они предпринимали больше усилий для выполнения своих обязательств.

Наконец, заглядывая далеко вперед, я считаю, что, так или иначе, при условии компромиссного решения или в его отсутствие, Крым станет тяжелым экономическим бременем для России. Нет никаких оснований полагать, что та разновидность экономической деятельности, которую достаточно успешно вел Крым — будучи местом отдыха туристов, куда прибывали международные лайнеры и приезжали иностранные туристы — будет сохранена. Поскольку

международное сообщество формально не признало присоединение Крыма к России, разработка подводных ресурсов на территории Крыма станет невозможной для международных компаний, потому что они окажутся объектами исков различных заинтересованных сторон. Коротко говоря, Россия должна будет вкладывать огромные средства в экономическое развитие Крыма. С момента присоединения Крыма к России цены там выросли в три раза. Все это накладывает дополнительные обязательства на Россию, чья экономика остается достаточно слабой.

Более того, существует еще один аспект, который будет иметь большое значение в процессе развития Украины: Россия своими действиями настроила против себя около 40 миллионов человек. В отличие от других славян, украинцы в прошлом никогда не относились к России враждебно. Враждебное отношение украинцев к России — это новое явление, и с каждым днем его интенсивность растет. Таким образом, в этом отношении Украина со временем не только станет серьезной проблемой для России, но это еще и грозит окончательной потерей огромной территории — величайшей территориальной потерей в истории имперской экспансии России. А это в свою очередь может разрушить новую мифологию, касающуюся места и роли России в мире, с которой я начал свой доклад. Реальность может опровергнуть эту мифологию.

Именно поэтому я очень надеюсь, что развивающийся российский средний класс поймет, что та мифология, которую навязывает Путин и которую принимает значительная часть менее образованных и более шовинистически настроенных россиян, это

дорога в никуда, что настоящее назначение России заключается в том, чтобы стать мощной европейской страной.

Украинский урок для России

Так или иначе, события на Украине являются исторически необратимыми и эпохальными в плане геополитических трансформаций. Скорее раньше, чем позже, Украина по-настоящему станет частью демократической Европы. Скорее позже, чем раньше, но Россия последует за ней, если не самоизолируется и не превратится в застойный империалистический реликт.

Спонтанный всплеск отчетливого украинского патриотизма, вызванный лживостью развращенного и обогащающегося руководства, готового искать защиты у Москвы, говорит о том, что стремление к национальной независимости становится доминирующей политической реальностью. Это особенно заметно среди молодых украинцев, которые уже не ощущают себя чуть-чуть другой в языковом и историческом плане, но все-таки частью «матушки России».

Однако языковые различия сохраняются, и некоторые районы Украины чувствуют более тесную связь с Россией. Но поражает то, что даже некоторые наиболее активные сторонники евроинтеграции лишь недавно стали считать украинский язык своим собственным. Двадцать лет независимости, двадцать лет усиливающейся гордости за вновь открытую украинскую историю, а также свидетельства того, какие экономические выгоды западные соседи

Украины получили от связей с Европой — все это создает новое мировоззрение. Это не антироссийское мировоззрение, но в нем утверждается собственно украинская историческая самобытность, а также неотъемлемая культурная принадлежность Украины к Европе в целом.

Вот почему Украина, так или иначе, будет неотвратно сближаться с Европой. Удивляет то, что даже в соседней Белоруссии, которой правит авторитарный режим Лукашенко, начинает появляться такая же западная ориентация. Обе эти страны руководствуются не враждебным отношением к России, но каждая из них осознает, что ее независимость и культурная идентичность все активнее указывают им путь на запад.

В предстоящие месяцы все-таки можно будет придумать какую-нибудь сделку между ЕС и Украиной. Чтобы облегчить эту работу, ЕС должен внимательно прислушиваться к просьбам Киева об экономической и финансовой поддержке и откликаться на них. А украинцы должны понять, что европейских налогоплательщиков не прельщает перспектива платить за ошибки и моральное разложение нынешней киевской элиты. Затягивание поясов станет необходимым предварительным условием для подписания соглашения. Оно же станет проверкой Украины на решимость подтвердить свои европейские устремления. Киеву также придется показать, что исход выборов в стране не определяется лишением свободы политических соперников.

Последствия всего этого для России станут заметны в более отдаленной перспективе. Сегодняшняя геополитическая цель Москвы, определяемая навяз-